

Иван БУРАКОВ

Москва

Иван Андреевич Бураков родился в подмосковной Щербинке. В 2012 году получил учёную степень кандидат технических наук. С 2013 года читает лекции и ведёт практические занятия для студентов Национального исследовательского университета «МЭИ». Занимает должность доцента. Автор более пяти десятков научных статей, учебных и методических пособий. Художественные рассказы, публицистика и очерки опубликованы в журналах «Бийский вестник»,

«На русских просторах», «Белая скала», в альманахе «Новый Енисейский литератор», в электронной версии журнала «Чайка» (Seagull). Официальный сайт автора: *dovolny.info*

БА

Очерк

1.

Нам уже и не понять их поколения.

В погоне за личным солнцем, что вряд ли даст хоть толику тепла и света, мы забыли о том вечном, что звучит меж букв в словах «Родина», «Отчизна».

Она, постаревшая, согнувшаяся под тяжестью лет, сидит на тахте с пружинными подушками, что касается границ комнаты слегка поцарапанными деревянными лакированными подлокотниками. Голову её покрывает платок, завязанный в узел у подбородка, на носу очки с толстыми линзами. Левый глаз, тот, что хуже видит, значительно больше — эту иллюзию создаёт увеличительное стекло, вставленное в краснеющую оправу. К дужкам очков привязана нитка белого цвета, что помогает зацепить очки вокруг головы.

На стене, желтеющей простенькими обоями, расположившись за её спиной и раскладной спинкой тахты, висят портретные чёрно-белые фотографии: её в более молодом возрасте — там ей лет сорок, может быть, пятьдесят, — и моей мамы, её дочери, ещё студентки. Мама Великую Отечественную войну не видела — родилась спустя

одиннадцать лет после её окончания, бабушка же ощутила её, как сейчас говорят и пишут, «полным погружением».

Сильная, уверенная в себе, умеющая убеждать делом и словом, она рассматривает меня пристально, словно рентген, пронизывает всего с ног до головы.

— Ты, главное, не пей, Ванечка, — звучат её слова уже глухо, из глубины лет, — водка стольких мужиков сгубила.

А мне не до этого. Какая там водка?! Я железную дорожку раскладываю по полу комнаты. Мне шесть лет.

Я видел потом, спустя почти три года, как её слова превращались в дело. Администрация района Южное Бутово в честь пятидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне пригласила ветеранов на памятный вечер. Было это в девяносто пятом году. Чуть больше чем полтора года назад «ельцинисты» расстреляли законно избранный парламент, утвердив тем самым свою власть.

На памятный вечер меня отправили с ней. Уже тогда ноги её, бывало, не слушались, и моя мама боялась, что бабушка где-нибудь упадёт без сил.

В библиотечном здании, что высилось в два этажа близ железнодорожной платформы Бутово с её высокими лестничными переходами, выложенными бетонными плитами, от которой минут за пятнадцать-двадцать неспешно можно пешком добраться до памятника истории «Бутовский полигон», на втором этаже в читальном зале накрыли столы.

— Мальчик со мной, — категорично заявила бабушка подошедшей навести порядок и кивавшей в мою сторону работнице библиотеки.

— Он может посидеть в прихожей в кресле, у нас там шикарное кресло, — пыталась возражать работница.

Бабушка осталась непреклонной, бросив неоднозначное:

— Ничего, ничего, — в пространство, то ли успокаивая меня, то ли тем самым отвечая работнице библиотеки.

Думаю, правильными были и первый, и второй варианты ответа.

Я видел постаревших ветеранов, рассаживавшихся за столы. Все в тёмных либо чёрных пиджаках, светлых рубашках, на груди ордена, медали блестят. Лица серьёзные, сосредоточенные. Я глядел во все глаза на них и никак не мог понять: чего они такие все серьёзные? Праздник же — должны быть весёлые. Уже тогда мы были на разных уровнях понимания. Своим мальчишеским юным умом я ещё не успел постичь всей той боли, которую пришлось им пережить: утрата товарищей, любимых, разрушенные города, сёла, деревни, дым от пожарищ, застилающий одну шестую часть суши — вы это ощутили? Нет? Тогда не надо рассуждать о нацизме и фашизме. Нацизм и фашизм — это чума, страшная чума, которую нужно искоренять ещё в зародыше. Они её искоренили.

На столах рядом с нехитрым угощением выставлены бутылки с сорокоградусным алкоголем. Разливали его в пиалы, да-да, те самые, узбекские, фарфоровые, белые с оранжевым ободком. Бабушка свою пиалу отдала соседствующим с нами за одним столом героического вида дедом, убелённым сединами и звенящим своими пиджаками с россыпью наград по фронту.

— Вы не будете? — поднял на неё брови один из дедов.

— Я не пью, — так же категоричным тоном заявила в ответ она.

Вот так всё время: любые возражения неприемлемы, и главное — юмор. Юмор, но не современный, с пошлятиной и матом, а настолько тонкий, что мы с вами, дорогие читатели, его сразу и не уловим. Лишь позже, по прошествии какого-то времени, дойдёт до тебя услышанное: «Шутила».

Во время известных президентских выборов девяносто шестого года она совсем разболелась, и работники избиркома приносили урну для голосования и бюллетень к нам домой.

— За кого голосуете, бабушка? — вроде как невзначай интересовались пришедшие.

— Конечно, за Ельцина! — наигранно изображая восторг, отвечала она.

В это время на присутствующих в комнате взирала фотография Ленина, установленная за одним из стёкол деревянного серванта ручной работы, что собственноручно смастерил мой дед, её муж (Александр Петрович).

Сервант высился у противоположной дивану стены комнаты с теми самыми фотографическими портретами. Фотография вождя была пожелтевшей газетной вырезкой, на которую она указывала рукой и говорила:

— Вот мой самый главный человек.

— Ба, как ты можешь за Ельцина голосовать? — непонимающе смотрел я на неё, после того как избиркомовцы покинули квартиру, унося с собой уличные запахи.

Она продолжительно на меня взглянула, а затем махнула рукой, ничего не сказав на моё замечание: дескать, сам потом поймёшь. Теперь понял.

Спустя год-два, точно уже и не помню, обнесли квартиру наших соседей по лестничной клетке. Те носили статус «новых русских», удачными предпринимателями слыли, и, видимо, «налётчики» нашли, чем у них в квартире поживиться. На расследование следователи налетели, собрался весь подъезд, осмотр места преступления, понятые, свидетели, в большей части отсутствующие, и её фраза, зависшая в воздухе финальным эпитетом:

— Вор у вора дубинку украл.

— Простите, что там ваша мама сказала? — интересовался потом участковый у мамы моей, не теряя надежды хоть как-то распутать клубок этого безнадёжного дела.

— Афоризм.

Окончание следует